

рой нация входит в типологический ряд этнических («исторических») общностей: «племя — народность — нация». Отношение автора к этой концепции, как видно и из вышеизложенного, — довольно противоречивое. С одной стороны, он отмечает наличие в нации этнической стороны (которая, кстати сказать, не всегда восходит к донациональному, а тем более — к родо-племенным общностям), с другой — настаивает, чтобы нация считалась не «социально-этнической», а только «социальной» общностью. Содержание «социального» при этом сужается, ибо акцент переносится на «политико-экономическое»; такому «социальному» придется ведущее значение в сущности нации; это приводит к мысли об обусловленности нации государственной формой ее существования. Некоторые из относящихся сюда формулировок, в частности положение о том, что экономическая общность (главный, по мысли автора, признак нации) возникает внутри советских республик (стр. 316), — явно требуют оговорок; в противном случае из них можно сделать, например, вывод, будто бы в дореволюционной России наций еще не могло быть. Мысль об обусловленности наций национальной государственностью отразилась и в дискуссионном положении о том, что исторически меняющееся содержание национальных отношений должно чуть ли не до слияния наций неизменно пользоваться существующими национально-государственными формами.

Особо важное методологическое значение для данной работы имеют ленинские идеи о процессе сближения и слияния наций. «Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь, — писал В. И. Ленин, — все более интернационализируется уже при капитализме... Социализм целиком интернационализирует ее» (ПСС, т. 23, стр. 318). «Целью социализма является не только уничтожение... всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их» (ПСС, т. 27, стр. 256). Это сближение и слияние наций обусловлено развитием экономики, ломающей национальные рамки. Экономика СССР, как отмечено в речи Л. И. Брежнева о 50-летию СССР, уже давно представляет собой «единый хозяйственный организм»; об интернационализации экономики, культуры и других сторон жизни советских людей всех национальностей правильно пишет и М. И. Куличенко, определяя сущность общности «советский народ». Поэтому критика им тех советских авторов, которые усматривают начальные стадии объективного процесса слияния наций уже при социализме, отмечают закономерность «естественной ассимиляции» и т. п., — представляется не вполне логичной. Рассматривая диалектическое взаимодействие «национального» и «интернационального», М. И. Куличенко, на мой взгляд, переоценивает «гармоничность» их сочетания; получается, что даже в период развитого социализма, «национальное» продолжает укрепляться как бы параллельно укреплению «интернационального», причем линии их развития сходятся лишь где-то в «необозримом» сейчас коммунистическом обществе. Вероятно, здесь более правы те авторы, которые в этом диалектическом взаимодействии видят элементы борьбы отдельных противоречивых (хотя и не антагонистических в условиях социализма) сторон общественного развития, приводящие к постепенному ослаблению национального (прежде всего — национально-специфического).

В заключение следует отметить, что обстоятельная монография М. И. Куличенко, очевидно, заслуживает переиздания. В связи с этим хотелось бы пожелать автору шире привлечь для подкрепления некоторых теоретических построений конкретный этнографический и этносоциологический материал. От этого существенно выиграла бы и сама книга, и беспокоящая сейчас автора кооперация философов и этнографов.

В. И. Козлов

В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, 126 стр.

Изучение этногенеза и этнической истории народов — одно из важных направлений советской этнографической науки. Именно советским ученым принадлежит главная заслуга в деле исследования этнических процессов на разных этапах истории человечества. Большой фактический материал по многим народам мира все более настоятельно требует широких обобщающих исследований с целью выявления общих закономерностей образования, развития, трансформации этнических общностей. Этой цели служат, в частности, работы по современным этническим процессам в СССР и зарубежных странах, предпринятые за последние годы в Институте этнографии АН СССР. Большой интерес с этой точки зрения представляет, несомненно, и рецензируемая книга В. Ф. Генинга.

Автор исходит из того, что проблему этнического развития необходимо рассматривать в широком философско-социологическом плане; главная задача — понять это явление как определенный процесс общественной жизни, исследовать объективную логику его внутреннего развития, выяснить его движущие силы и взаимозависимости с другими сторонами развития общества. «При изучении этнического процесса, — пишет В. Ф. Генинг, — по всей вероятности, наметятся какие-то общие закономерности, характерные для всей истории человечества в целом. Но для этого, очевидно, было бы полезно предварительно исследовать этнический процесс в некоторых его частностях и, прежде всего, в пределах каждой общественно-экономической формации» (стр. 7). В ка-

честве объекта своего исследования В. Ф. Генинг избрал эпоху доклассового общества.

Следует признать, что задача такого исследования чрезвычайно сложна в силу ряда объективных причин. Поскольку автор исходит из положения о том, что в основе этнических процессов лежит развитие социально-экономической структуры общества, выявление закономерностей этнического развития оказывается возможным лишь при условии предварительного построения некоторой общей схемы социально-экономической истории первобытного общества.

Однако многие кардинальные проблемы первобытности требуют дальнейшего исследования; некоторые точки зрения, еще недавно казавшиеся общепринятыми, за последние годы вновь стали предметом дискуссии. Сама проблема периодизации доклассового общества и социально-экономической характеристики основных этапов его развития еще далека от удовлетворительного решения. Работа В. Ф. Генинга лишний раз доказывает, что для современного исследователя эпоха первобытности всегда будет представлять несравненно большие трудности, чем все последующие эпохи истории человечества. Это неизбежно хотя бы потому, что объем доступной нам исторической информации о том или ином периоде человеческой истории находится в обратной зависимости от его удаленности от нас во времени.

В какой-то мере крайняя ограниченность наших представлений о ранних этапах развития человечества восполняется комплексностью подхода к решению проблем этногенеза и этнических процессов, т. е. максимальным привлечением самых различных по своему характеру источников — этнографических, археологических, лингвистических, антропологических, собственно исторических и т. д. Поэтому читатель, несомненно, обратит внимание на ту особенность рецензируемой книги, что она построена, говоря словами автора, «на базе источников определенного типа», — этнографических и частично лингвистических материалов, археологические данные намеренно исключены из числа используемых источников.

По мнению автора, археологические источники имеют важнейшее значение для изучения различных сторон истории первобытного общества (в том числе и этнической), однако общества, воссоздаваемые по этим источникам, представляют собой реконструкцию, а степень достоверности всякой реконструкции зависит от многих причин и всегда весьма относительна. Проверка объективности и достоверности выводов данного исследования с помощью применения их к археологическому материалу откладывается автором на последующий этап изучения этнического процесса, целиком остающийся, к сожалению, за пределами рецензируемого исследования.

Разумеется, исследователь вправе ограничить сферу своего исследования или по тем или иным соображениям отказаться от использования в нем источников определенного типа. Вопрос лишь в том, насколько убедительны выводы, к которым в результате этого приходит автор. Принципиальное противопоставление данных археологии и этнографии как источников для изучения этнических проблем представляется в данном случае неправомерным, ибо нельзя забывать, что и этнографические данные сами по себе нуждаются в интерпретации не в меньшей степени, чем археологические.

Исторические закономерности, выводимые на основе изучения собственно этнографического материала, также есть не что иное, как реконструкция, степень достоверности которой всегда относительна.

Совершенно очевидно, что для изучения закономерностей этнических процессов необходимо прежде всего ответить на вопрос о том, что такое этническая общность людей. Автор подробно рассматривает признаки этнической общности и приходит к выводу, что признаки эти должны быть подразделены по своему происхождению и роли в этническом процессе на две группы. К первой из них следует причислить «те объективные факторы, которые обуславливают само зарождение этнических отношений и этнического сознания, реализующихся в конечном итоге в формировании этнических общностей», а именно — единство социально-экономической структуры и общность территории (стр. 23); вторую группу признаков составляют «черты, которые определяют не только существование самой общности, но и специфические особенности отдельной конкретной общности, выделяя ее среди массы других» — общность языка, культурно-бытового уклада и этнического самосознания (стр. 27).

Введение определенной таксономии этнических признаков, а также четкое разграничение этнообразующих факторов и собственно этнических признаков, несомненно, плодотворно и способствует более конкретному анализу взаимодействия различных факторов и признаков, формирующих этническую общность. Тем не менее представляется, что В. Ф. Генинг излишне расширительно толкует последний из этих признаков — этническое самосознание. По его мнению, «едва ли есть основания этническое самосознание сужать только до осознания своей принадлежности к тому или иному народу» (стр. 32). Но именно осознание принадлежности к конкретной этнической общности является, по-видимому, не только одним из многих признаков этой общности, но и представляет собой, говоря словами Н. Н. Чебоксарова, «некоторую результативную часть действия всех основных перечисленных выше факторов». Признание роли этнического самосознания как важнейшего этноразличительного признака чрезвычайно важно для разграничения двух категорий общности, глубоко различных по своему характеру.

К первой категории В. Ф. Генинг относит дискретные этнические общности, принадлежность к которым достаточно четко осознается всеми индивидуумами, ее состав-

ляющими. Вторая категория — это общности, которые существуют преимущественно не как реальные, осознанные группы, а как результат научной классификации многообразия фиксируемых наукой фактов. В. Ф. Генинг полагает, что к числу общностей второго типа следует отнести этноязыковые общности (родственные народы) и языковые общности (большие языковые семьи) (стр. 41). Это, по-видимому, не совсем верно, поскольку родственные народы нередко представляют собой определенную дискретную общность, принадлежность к которой в большей или меньшей степени является осознанной (ср. отношение болгар к русским на основе осознания общеславянской общности в период борьбы против турецкого ига).

Иначе обстоит дело с так называемыми «контактными этническими общностями». Эти общности, выделяемые исследователями, и дискретные этнические общности, важнейшим признаком которых является этническое самосознание и самоназвание, — это, как справедливо отмечает В. Ф. Генинг, несопоставимые категории понятий (стр. 62). С этой точки зрения под этногенетическим процессом развития человечества следует, по-видимому, понимать процесс возникновения и развития дискретных этнических общностей, однако в связи с этим возникает ряд вопросов, которые исследованы еще недостаточно, но имеют первостепенное значение для построения общей теории этногенеза. К их числу относится прежде всего вопрос о том, в какой мере правомерно рассматривать те или иные общности людей, лишенные важнейшего этнического признака — этнического самосознания, в качестве собственно этнических общностей. Можно ли с этой точки зрения, в частности, считать этнической единицей род, члены которого еще не обладают специфическим этническим самосознанием? Можем ли мы в данном случае говорить о единстве родового и этнического самосознания или же следует признать, что последнего еще вообще не существовало и, следовательно, этнические отношения еще не вычленились из суммы отношений, связывающих между собой членов одного производственного коллектива?

Разработка исторической типологии этнических общностей — важнейший аспект изучения этногенеза и этнической истории, и в книге В. Ф. Генинга он является одним из ключевых моментов исследования.

Здесь автор исходит из представления о существовании определенной иерархии этнических подразделений. К числу последних относятся: этническая единица — низовое звено классификации (объединение, включающее членов одного производственного коллектива); этническая группа — объединение, включающее постоянно и тесно связанных между собой этнических единиц; этническая общность — основное подразделение этнических формирований — включающее в себя этнические группы (напомним, что все эти три подразделения автор противопоставляет этноязыковой и языковой общностям, не представляющим собой осознанных объединений).

Рассматривая вопрос об историческом соотношении этнических единиц, групп и общностей, В. Ф. Генинг основывается на схеме периодизации первобытного общества, предложенной Ю. И. Семеновым и получившей достаточно широкое признание в этнографической литературе. Согласно этой схеме, история первобытного общества делится на две фазы, за которыми следует период перехода к классовому обществу. Наиболее дискуссионным остается вопрос о ранней фазе в истории первобытности. К сожалению, В. Ф. Генинг излишне категорично утверждает, что «как показывают этнографические материалы», на начальном этапе развития родового общества «наиболее ранними формами брака стали групповой и дислокальный брак» (стр. 44). Строго говоря, этнографические материалы не могут показывать это хотя бы потому, что этнографии не известен ни один народ, находящийся или находившийся в недавнем прошлом на ранней фазе родового общества. Тезис о первоначальной дислокальности, следствием которой является полное совпадение производственных отношений с родовыми, представляет собой не более чем гипотезу, правомерность которой, как известно, все чаще за последнее время подвергается сомнению.

А раз это так, то остается гипотетичной и вся цепь основных этапов эволюции этнических подразделений родового общества, конструируемая В. Ф. Генингом. Например, лишен убедительности тезис о том, что этнические группы как среднее звено между этнической единицей и этнической общностью возникают во второй фазе родового общества, когда полное совпадение этнических единиц (родов) и производственных коллективов нарушается (стр. 77). Не вполне ясным остается также качественное различие между этническими общностями ранней фазы родового общества — этноязыковыми непрерывностями (сокращенно — этлие, стр. 55) и поздней его фазы — контактными этническими общностями (конзо, стр. 78). Видимо, такое различие должно существовать, раз автор считает возможным противопоставить их как два самостоятельных типа этнических общностей.

В целом типология, предложенная В. Ф. Генингом, оставляет место для споров, хотя автор достаточно убедительно показывает необоснованность широко распространенного мнения о том, будто основным этническим подразделением, свойственным первобытности на всем ее протяжении, является племя.

Разумеется, исследование В. Ф. Генинга не исчерпывает проблему во всех ее деталях. Свое внимание автор сосредоточил в первую очередь на характеристике процесса формирования основных типов и подтипов этнической общности в первобытную эпоху. Что же касается закономерностей взаимодействия этнических общностей между собой, то эта сторона вопроса разработана в книге в гораздо меньшей степени.

Нет необходимости указывать здесь на некоторые частные недостатки книги, кроме, пожалуй, того, что принятая автором система цитирования непоследовательна: некоторые сочинения, на которые есть ссылки в тексте (работы А. Элькина, стр. 58—61, 63, 64 и др., К. Рида — стр. 61, 62 и др.) отсутствуют в списке использованной литературы.

Исследование В. Ф. Генинга — одна из первых в нашей научной литературе попыток осмысления общих закономерностей этнических процессов в первобытную эпоху. Оно, несомненно, представит интерес для всех интересующихся проблемами этнической истории народов мира и послужит толчком к дальнейшему теоретическому обобщению того большого материала, который накоплен в этой области человеческого знания.

М. В. Крюков

НАРОДЫ СССР

С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, 314 стр., илл.

Изучение исторической этнографии — важнейшего раздела этнографической науки, развивается, к сожалению, пока еще медленно. Как в нашей стране, так и за рубежом выходит мало работ, посвященных разработке проблем исторического генезиса тех или иных этнографических явлений. Выход книги С. И. Вайнштейна, посвященной исторической этнографии тувинского народа является значительным событием в науке.

Рассматриваемый труд вносит весьма существенный вклад в разработку теории хозяйственно-культурных типов кочевников. Исследование генезиса и особенностей тувинского кочевого хозяйства проводится автором с привлечением обширных сравнительных материалов по кочевникам других областей Сибири, и также Центральной, Средней и Передней Азии.

В качестве основных источников автор привлек материалы полевых исследований в Туве, которые он вел около двадцати лет, археологические и этнографические коллекции многих музеев, архивные документы, в том числе впервые введенные им в научный оборот (как, например, считавшиеся утерянными дневники экспедиции Феликса Кона в Туву), данные переписей.

Во введении к рецензируемой книге дана характеристика хозяйственно-культурных типов у тувинцев и ряда других кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии в XIX — начале XX в.; выделены местные подтипы. Необходимо отметить, что автор вполне обоснованно отвергает вывод Л. П. Потапова о том, что все тувинцы, кроме оленеводов, должны быть отнесены к скотоводам-охотникам, а их тип хозяйства рассматриваться как присущий «лесным племенам или народам».

Первая глава книги посвящена скотоводству и формам кочевания. Характеризуя историческое развитие скотоводства в Туве, автор рассматривает проблему формирования хозяйственно-культурного типа скотоводов, протекавшего на огромных пространствах Евразии, и приходит к справедливому выводу, что оно завершилось в середине I тысячелетия н. э. (древнетюркское время).

Очень интересно написан раздел о терминологии, связанной с названиями и исчислением возраста домашних животных. Здесь С. И. Вайнштейн в результате блестяще проведенного анализа сделал весьма любопытное открытие о том, что возрастные названия домашних животных восходят не к числительным, обозначающим количество прожитых лет, как полагали другие исследователи (У. Кохальми и др.), а к числу зубов (резцов), что сближает тюркскую систему с монгольской. Это, казалось бы частный, вывод имеет существенное значение для разработки проблем этнокультурного взаимодействия тюрко-монгольских народов.

В данной главе рассмотрены также результаты исследования автором форм кочевья и их исторического развития. С. И. Вайнштейн вскрыл зависимость форм кочевания от природных и социально-экономических условий. На основании этнографических материалов, рисующих кочевое скотоводство тюрко-монгольских народов, живших в степях и предгорьях и использовавших горные пастбища, автор показал, что для них был характерен не один, как полагали ранее, а три различающихся типа кочевания. Здесь же рассмотрены формы хозяйственных объединений (курень, аал и др.) на разных этапах исторического развития кочевничества. Время возникновения аальной и куренной форм организации имеет первостепенное значение для выяснения социально-экономической структуры кочевничества. Именно необходимость защиты от военных нападений была той основной причиной, которая заставляла небольшие, практически беззащитные аалы объединяться, создавая кочевые группы типа куреней, включавшие сотни и тысячи хозяйств.

В конце главы автор останавливается на социально-экономических отношениях. Анализируя саунные отношения, существовавшие в тувинском скотоводстве в конце XIX и начала XX в., С. И. Вайнштейн приходит к выводу, что они были весьма много-